

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

Этнография, этнология, антропология

УДК 361.058.82(470.64)

DOI 10.31143/2542-212X-2019-4-92-111

**ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО
СОДЕРЖАНИЯ ИНСТИТУТА ВЗАИМОПОМОЩИ КАБАРДИНЦЕВ И
БАЛКАРЦЕВ****З.Х. СОБЛИРОВА
М.А. ХОКОНОВ
А.А. ЖУРТОВА**

*Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
360004, Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173
E-mail: zareta.soblirova@inbox.ru, mhokonov@gmail.com, anzhelka28@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается традиционный для народов Кабардино-Балкарии институт взаимопомощи. Нормы взаимопомощи определяли внутреннее содержание механизма социально-экономического взаимодействия в жестко институционализированном горском социуме и нивелировали его нравственные изъяны. Они являлись составной частью народного менталитета и воплощали прецедент социального порядка, стабильности и самоорганизации. Сочетание устойчивости и динамики традиций взаимопомощи обеспечивало передачу этногенетического эмпатического комплекса культуры подрастающему поколению. В устном народном творчестве кабардинцев и балкарцев встречаются многочисленные примеры хозяйственно-экономического взаимодействия и имплицитивные им предрелигиозные виды помощи. Этические обязательства способствовали усилению экономического потенциала небольших патриархально-родовых хозяйств горцев. Формы и виды взаимной поддержки функционировали как целостная система и носили добровольный характер. Необходимость выполнения в ограниченные сроки большого объема тяжелых сельскохозяйственных видов работ требовала объединения трудовых усилий всего аула. В период советских преобразований институт взаимопомощи претерпел изменения и был включен в процесс формирования государственной системы социального обеспечения.

Ключевые слова: взаимопомощь; традиционное общество; крестьянство; нравственность; социальное обеспечение.

**ETHNOGRAPHIC ANALYSIS OF THE SOCIO-CULTURAL CONTENT OF
THE MUTUAL ASSISTANCE PRACTICES OF THE KABARDIANS AND
BALKARS**

Z.H. SOBLIROVA
M.A. HOKONOV
A.A. ZHURTOVA

Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov
360004, Kabardino-Balkarian Republic, Nalchik, Chernyshevsky st., 173
E-mail: zareta.soblirova@inbox.ru, mhokonov@gmail.com, anzhelka28@mail.ru

Abstract. The article deals with the traditional Institute of mutual assistance for the peoples of Kabardino-Balkaria. The norms of mutual assistance determined the internal content of the mechanism of socio-economic interaction in the rigidly institutionalized society of highlanders and leveled its moral flaws. They were an integral part of the people's mentality and embodied the precedent of social order, stability and self-organization. The combination of stability and dynamics of traditions of mutual assistance ensured the transfer of ethno-genetic empathic complex of culture to the younger generation. In the folk art of Kabardians and Balkarians there are many examples of agricultural and economic interaction and implicative pre-religious types of assistance. Ethical obligations contributed to the improvement of the economic potential of small Patriarchal-tribal farms of the highlanders. Forms and types of mutual support functioned as a whole system and were voluntary. The need to perform a large amount of heavy agricultural work in a limited time required the unification of labor efforts of the whole village. During the Soviet period, the institution of mutual assistance suffered changes and was included in the process of forming the state social security system.

Keywords: mutual aid; traditional society; peasantry; morality; social security.

На современном этапе развития исторической науки наблюдается повышенный интерес к истории повседневности, позволяющей сквозь призму внутреннего содержания событий выявить роль человека как субъекта-творца исторического процесса. Изучение крестьянской повседневности способствует выявлению, как общих черт, так и регионально-национальных особенностей этой социальной группы. Рассмотрение традиционных культурных механизмов функционирования кабардинского и балкарского общества невозможно без обращения к различным формам взаимной помощи, которые длительное время являлись рычагом социально-экономического взаимодействия внутри крестьянства. Аутентичные формы взаимодействия служили не только фактором этнической идентификации, но и средством социализации индивида. Исследование института взаимопомощи как специфического элемента этнографии народа научно обосновано. Изучение общественного быта, его различных форм и проявлений актуально и в современном мире, ведь он непосредственно связан с аккумуляцией и трансляцией культурного наследия.

Существовавшие в неразрывной связи с реальностью человеческого бытия, сакральные символы и знаки помощи были наделены конгруэнтностью. Реальность выступала в качестве одного из важнейших способов сохранения и передачи духовной культуры в условиях отсутствия письменных средств передачи этнокультурной памяти. Эта особенность культуры изучена широким кругом исследователей, в числе которых Э. Кассирер и К. Леви-Стросс.

Взаимопомощь – это исторически развившаяся в культурно-историческом континууме того или иного народа относительно устойчивая система обмена различными ценностями, ресурсами, услугами, которая в свою очередь составляет действительность социального бытия. Она призвана интегрировать общественное сознание в трудовых, хозяйственных и творческих проявлениях деятельности. Этот фактор особенно важен в таких институциональных образованиях как кланы, патронимии, семьи, общины.

Как феномен социокультурных систем, взаимопомощь следует считать парадигмальной, относящейся к универсальным алгоритмам социокультурного мышления. Его наличие в контексте традиционных механизмов и институтов социализации объясняется, в первую очередь, необходимостью удовлетворения потребностей базового характера индивида, а затем социальной группы.

Теоретическое описание функциональных аспектов взаимопомощи и ее роли в организации новых форм социокультурной солидарности прослеживается в трудах Б. Малиновского, П. Сорокина, К. Изарда, А.К. Байбурина. Так, американский антрополог Б. Малиновский отмечал: «Главное понятие культуры – организация. Чтобы достичь какой-нибудь цели, люди должны организоваться. Организация предполагает определенную схему или структуру, основные составляющие которой универсальны. Функцию культуры нельзя определить иначе, нежели как удовлетворение некоторых потребностей путем консолидированной деятельности обмена и взаимопомощи» [Малиновский 2000: 46]. Институциональные составляющие взаимопомощи воспроизводились через определенные хозяйственные культы и семейные обряды.

Взаимопомощь в инвариантном аспекте можно рассматривать как социальную солидарность. Такая терминологическая характеристика предложена одним из основоположников социологии Э. Дюркгеймом. Он рассматривает социальную солидарность как главный скрепляющий фактор естественного состояния общества. «Общественная солидарность – чисто моральное явление, не поддающееся само по себе ни точному наблюдению, ни особенно измерению» [Дюркгейм 1996: 71]. Социальная солидарность основывается на коллективном сознании, совокупности верований, чувств, действий, сплачивающих индивидуальное и коллективное в некое духовное поле многоуровневой эмпатии. Э. Дюркгейм выделяет механическую солидарность, которая характерна для традиционных обществ и выражается в коллективном характере всех действий, постоянном автономном взаимодействии субъектов. «В обществе, где солидарность развита, индивид не принадлежит себе; это буквально вещь, которой распоряжается общество» [Дюркгейм 1996: 118].

Виды и формы взаимной помощи в традиционных обществах носили добровольный характер и в условиях социальной паритетности не воспринимались тягостным делом. Они становились компонентами нравственных норм общества, создавали эффективную продуктивность в различных видах деятельности. Страх и бессилие перед природными стихиями интегрировали людей в тесные союзы и группы. Постепенно элементы

общественной взаимопомощи проникли во все институты общества и превратились в компоненты культуры. Закономерности и модели подобного сосуществования и деятельности превратились в детально расписанные обрядово-ритуальные практики и действия.

Культурно-исторические и экономические детерминанты практики общественной взаимопомощи существовали у всех народов Северного Кавказа и имели идентичные проявления. У чеченцев и ингушей существовал обычай «белхи» – сложный по своей структуре институт, в центре которого находился совместный хозяйственный труд» [Хасбулатова 2017: 2]. У осетин в хозяйственной деятельности были известны различные формы совместной помощи, которые также имели добровольный, бескорыстный и одновременно обязательный характер организации [Магометов 1968: 71]. Обычай взаимопомощи «у аварцев именовался «гвай», у даргинцев «билхъа», у лакцев «марша», у кумыков «булкъа», у народов Южного Дагестана «мел». Здесь обычай появился и развивался в условиях господства родовой общины, отражал коллективный, общинный характер труда» [Эльмурзаева 2009: 3].

В традиционной культуре кабардинцев и балкарцев взаимопомощь воспринималась как исторически сложившаяся форма существования этнокультурной консолидации. Выработанное в жизненных ситуациях и условиях чувство оказания взаимовыручки и помощи способствовало впоследствии возникновению обычая оказания помощи и взаимной помощи. [Малкандуев 2004: 7] Исследуя социокультурное содержание адыгской этики, известный этнограф Б.Х. Бгажноков отмечал: «Идея права реализуется через систему принципов и норм сочувственного, понимающего мышления и поведения. Традиция взаимопомощи, занимающая важное место в обычном праве всех народов – ярко выраженный эмпатический социальный институт». [Бгажноков 2003: 88]

Известно, что адыгская хабзэ, до появления соответствующих общественных институтов, была носителем этногенетического кодекса нравственной культуры. Этические нормы адата требовали реализации определенных этических обязанностей – сочувственное отношение к родственникам, соседям, сородичам, кунакам. Деятельное сострадание являлось воплощением этих обязательств и распространялось на все членов общества.

Многочисленные подтверждения подобного взаимодействия встречаются в мифопоэтической культуре. В эпических произведениях говорится не только о героических поступках отдельных персонажей, но и о материальной основе жизни – добыче руды, хлебопашестве, скотоводстве. В поступках нартских богатырей выражены помощь слабому и защита обиженных. В эпосе высоко оценивалось осознание человеком своей ответственности перед обществом. В конечном итоге эпос влиял на сознание подростков, который воспитывал готовность отвечать за свои поступки [Малкандуев 2004: 45] Так, циклы сказаний «Как Сосруко добыл огонь» или «Как Сосруко вернул стране нартов просо» повествуют о трудолюбии нартов и уважении к крестьянской деятельности. В сказаниях «Как Уазырмес спас нартов от голода» и «Как

Кайцук помог нартам перебраться» проиллюстрированы примеры того, как богатыри оказывают помощь простым людям [Нарты... 2017: 120]. В эпическом цикле, посвященном известному герою Ашемезу («Песня о Ашемезе») повествуется о том, как у нартов, легендарного эпического народа, были украдены получеловеком, полудраконом символы возрождения и благоденствия – красавица Ахумиду (Ахумыдэ) и чудесная свирель (бжьамий). Свирель представляла собой магический инструмент, на котором можно было играть с двух концов. Игра Ашемеза с белого конца вызывала возрождение природы, изобилие, всеобщее счастье людей, а мелодия, издаваемая с черного конца, разрушала мироздание, уничтожала урожай, животных, людей, словом, все живое на этой земле. Богатыри-нарты, узнав о произошедшем, возвращаются с похода и вызываются помочь Ашемезу. Бадыноко, Сосруко, Батерез, Канж, сын Шауея и многие герои отправляются с Ашемезом в этот поход, в пути, помогая герою, выручая его. В конце странствия они вместе побеждают чудовище и возвращают миру нартов чудесную свирель и Ахумиду. [Нартхэр... 1995: 277-278]. В этом фрагменте эпической песни мы видим, как на уровне архаического художественного мышления произошло запечатление одного из самых ранних упоминаний в этнокультурной памяти адыгов (черкесов) традиции взаимопомощи.

В другом мифоэпическом цикле сказаний и песен, которые охватывают все сюжеты, связанные с появлением среди пантеона богов Тлепша (бога кузнечного дела), прослеживается метафизическая связь божественного культурно-героического начала и элементов традиции взаимопомощи. Эпическая песня «Дебеч и Тлепш» повествует о том, как великий бог Дебеч удручен тем, что не имеет помощников и может найти себе достойную замену. Дела его увеличивались, усложнялись, а силы еще быстрее покидали его тело. Тогда, Дебеч стал замечать, что к его кузне часто приходит юноша-богатырь, который таинственным образом исчезает. Но в один день этот юноша сам заговорил: «О, Дебеч, кто до старости ждал воспитанника своего, тяжело дышащий старец, я могу быть полезным тебе во многом, открой мне двери кузни своей! С сего часа я буду продолжателем твоего великого дела! О, дедушка Дебеч! Тлепшем звать меня! Я тот, кто родился для молота, наковальни, я тот, кто должен стать равным богам нашим!». [Нартхэр... 1995: 338]. Дебеч, удивленный самоуверенности и необычайным умениям юного Тлепша, принимает его. Данный сюжет проецирует понимание важности традиции взаимопомощи как фактора социокультурной интеграции. Значимость передачи следующим поколениям основных видов искусства и ремесел для традиционных знаний выходит за пределы мифоэпического мировоззрения.

Социальные и нравственные идеалы народа были воплощены в сказках и сказаниях. В бытовых повествованиях «Куйжий и пши», «Князь и пшитль», «Как обманули Хаджи» описаны недостатки и тяжести повседневного быта. Традиции бытования, исполнения и распространения сказаний и сказок, сложившиеся в дореволюционное время, продолжили жизнь и в советскую эпоху. Собиратель адыгских сказаний и сказов Т.М. Керашев вспоминал, что в

колхозах, во время перерывов, устраивались конкурсы на лучшего рассказчика [Сказания... 1987: 16]. Через игровые способы социализации, таким образом, происходила социальная партиципация общества. Например, адыгский обряд «щ[э]пшак[уэ]», устраиваемый для облегчения процесса излечения больного и раненного человека являлся специфической формой духовной и физической ревитализации. Обряд сочувствия и сопереживания выражался в сложной вербально-контактной форме коллективного отвлечения человека от тяжелого недуга с помощью шумных игр. У постели тяжелобольного устраивались увеселительные игры, танцы, забавы, пелись песни, в которых реализовывалась вербальная магия [Мафедзев 1979: 168]. Данный обряд характеризует коллективную ответственность в оказании помощи нуждающемуся и стремление каждого в отдельности внести свой вклад в выздоровление.

Пословицы и поговорки выходили за пределы трансцендентной реальности и содержали примеры взаимодействия (содействия) во время выполнения трудоемкой работы. Весьма популярны среди народа были пословицы о труде и трудовом воспитании, о социальных взаимоотношениях. Например, «Народ двинется – землю сдвинет», «Будет дружная работа – будет богатый урожай», «Дружные горы сдвигают», «Будешь работать – не останешься без доли» [Пословицы... 1990: 88-95]. В многочисленных трудовых песнях кабардинцев и балкарцев мы также можем найти сюжеты, наполненные гуманистическим содержанием сочувствия тяжелому труду и стремления магически воздействовать на результат работы [Налоев 2009: 14].

Кабардинцы и балкарцы жили небольшими корпорациями родственников и семейно-родовых групп, которые функционировали как целостная система, определявшая специфику общественного и семейного быта [Бгажноков 2010: 3-4]. Коллективное ведение хозяйства диктовалось необходимостью особого общественного устройства, т.к. земля являлась собственностью кровнородственных групп населения и ее возделывание производилось силами всех членов группы. Взаимная помощь в этих условиях носила чаще всего хозяйственно-трудовой характер среди родственников, соседей и односельчан. «Соседи живут между собою в согласии, которое могло бы служить примером... Полевые работы производятся всегда сообща несколькими соседями. Если один из дворов разорен пожаром, падежом скота или нападением врага, если русские взяли в плен кого-нибудь из фамилии и необходим выкуп, то приходят на помощь не только соседи, но и члены фамилии, живущие в отдаленнейших местах страны, и если этого недостаточно, то помочь обязано все племя...» [Лапинский 1995: 120] До конца XIX века наблюдалось переплетение элементов родовой и соседской общины [Невская, Кондрашева 2015: 6]. В условиях господства натурального хозяйства, вопросы его эффективного ведения неизменно становились главными на семейных советах больших патриархальных семей кабардинцев и балкарцев.

Специфика природно-географических условий определила основной род занятий горцев – земледелие и животноводство. В основе скотоводческого хозяйства кабардинцев и балкарцев лежала отгонная система, дававшая возможность лучше использовать кормовые ресурсы и климатические условия

всех трех природных зон: степной, предгорной и горной. Животных (как крупный, так и мелкий рогатый скот) большую часть года содержали на высокогорных пастбищах, вдали от жилищно-производственных центров. Мелкие владельцы не могли сами ухаживать за своим скотом, угонять его в период сельскохозяйственных работ на пастбища и месяцами находиться вдали от своего хозяйства, поэтому, крестьяне создавали кошевые объединения на 150–400 голов овец и 50–200 голов крупного рогатого скота [Месяц 2009: 29].

Исследуя устойчивость социально-экономических структур и хозяйственного уклада в балкарском обществе дореволюционного периода, Е.Г. Муратова отмечает, что «объективные условия экономической жизни горцев требовали известной солидарности, тесной связи в процессе труда, соблюдения определенных правил общежития» [Муратова 2012: 76]. Так, 3-4 балкарских хозяйства за небольшую плату могли следить за чужим скотом и совместно арендовать землю [Мусукаев, Першиц 1992: 73]. Все хозяйственные работы осуществлялись совместно: постройка временного жилища, приготовление пищи, заготовка сена, перегон скота и пр. За свой труд чабаны получали плату натурой и деньгами в соответствии с установившимися обычаями. Но ее размеры в различных селениях были неодинаковыми. Они колебались в зависимости от опыта чабана и величины стада. В Балкарии владелец скота отбирал из своей отары 45-60 овец и ставил на них тавро чабана, нанятого на работу сроком на 5 лет. По истечении этого срока приплод делился пополам [Мамбетов 1974: 139].

До начала XIX века кошевые объединения строились по родовому принципу, позднее стали преобладать территориально-соседские объединения, носившие коммерческий характер. Владельцы скота предпочитали оплатить работу специально обученных людей-скотоводов, чем самим возглавлять стадо. Необходимо отметить, что кошевые объединения не являются подлинным примером взаимной помощи, поскольку работу выполняли нанятые за определенную плату чабаны. Однако, бывали случаи, когда в совместный выпас скота, особенно общеаульского, включали скот, принадлежащий вдовам, инвалидам, сиротам, беднякам и др.

Широко была распространена взаимопомощь при стрижке овец и таврении скота. Стрижка являлась трудоемким делом, поэтому за один день невозможно было ее выполнить без посторонней помощи. Приглашали родственников и соседей, которые могли осуществить стрижку 50–60 баранов за один день [Бабич 1995: 60]. Это же справедливо в отношении работ по таврению скота.

Особое значение взаимопомощь имела при сельскохозяйственных работах, которая включала всех трудоспособных членов общины в зависимости от объемов работы или ее сроков. В ней участвовали родственные семьи, помогавшие друг другу в пахоте путем соединения рабочих рук, тяглогового скота или же сельскохозяйственного инвентаря. Несколько родственных семей могли консолидироваться во время пахоты, посева, прополки, при уборке урожая, обмолоте, сеноуборочных работах. Так, малые семьи получали возможность компенсировать недостаток в рабочей силе, рабочем скоте или

сельскохозяйственном инвентаре путем взаимной ссуды [Мусукаев, Першиц 1992: 74].

Наиболее известной формой объединения служила супряга (дзей), связывавшая во время выполнения тяжелых сельскохозяйственных работ 2-4 близкородственных дворов путем соединения рабочего инвентаря и тягловой силы. В случае близкого расположения чужих патронимий, сплачиваться могли и целые селения. Объективная необходимость супряги (сопряжения) была связана с использованием тяжелых плугов и упряжки в местностях с твердой почвой, на подсеке и при освоении залежных целинных земель. По мнению Х.М. Думанова, сущность дзей заключалась в соединении усилий нескольких семей для обработки своих земельных участков. Каждый вносил то, что имел, и то, что было необходимо для проведения полевых работ. Одни вносили в это объединение тягловую силу, другие плуг, третьи – рабочую силу. В одних случаях сельский сход конкретно определял будущих членов или иного трудового объединения, в других – инициаторами выступали отдельные семьи и сами подбирали себе супряжников [Думанов 1976: 31]. Предпочтительным считалось объединение равных по трудовым возможностям семейств. «Каждый участник работал столько дней, сколько пар его волов участвовали в плуге» [Чурсин 2014: 24]. По обычному праву кабардинцев, участник дзей не имел права покидать объединение до конца сельскохозяйственных работ. Помощь участникам супряги в ремонте сельскохозяйственного инвентаря оказывал аульный кузнец, которому общинники вспахивали участок. Супряжные союзы обрабатывали земли одиноким старикам, сиротам, инвалидам, вдовам. Причем все пахотные работы в общине должны были начинаться и заканчиваться одновременно. «Никто с поля не возвращался, пока не были вспаханы все участки земли, а отставшим помогали те, которые заканчивали раньше» [Думанов 1976: 34].

Конец XIX века Д.Н. Прасолов рассматривает как время трансформации супряжной формы объединения. Происходит разделение традиционного дзей и вольнонаемного. Вероятно, стоимость пахотных работ была настолько высока, что общинники предпочитали оплачивать ее сдачей части своего пая в наем. Часть семейных паев стала оставаться за пределами традиционной взаимопомощи. Она могла служить потенциальным пространством применения вольнонаемного труда. Хозяин излишка имел возможность выбора между продолжением работы за дополнительное вознаграждение или сохранением остатка нераспаханным для иных целей. Эти вопросы, скорее всего, оговаривались предварительно, во избежание преждевременного распада супряжного объединения и приостановки производственного процесса. «В сельских общинах Кабарды в пореформенный период бытовал один вид супряги – вспашка в размере, соответствующем вкладу в производственный процесс. Это же объединение могло по окончании одних работ выступить в качестве вольнонаемной артели, осуществляя вспашку за натуральное или денежное вознаграждение, как своим участникам, так и посторонним лицам» [Прасолов 2001: 67]. Утратила свою обязательность «вспоможение плугом» – помощь

отставшим и помимо основного традиционного предназначения, а дзей приобрел качества артельного коллектива.

Взаимопомощь имела большое значение в период сеноуборочных работ: косьбы, копнения, стогования, перевозки, скирдования. Сенокосные участки располагались вдали от населенного пункта, поэтому туда выезжали на несколько дней (10-20), все расходы брал на себя хозяин. У балкарцев во время сенокоса создавались временные объединения косарей, которые совместно арендовали землю, работали, жили, сообща питались [Муратова 2012: 77].

К помощи родных и соседей прибегали в период прополки сельскохозяйственных культур и уборки урожая. Нуждавшийся в дополнительных рабочих руках, обращался к односельчанам с просьбой об оказании ему помощи. Участники созывались в один день, в конце работы хозяин угощал всех собравшихся. Если «щЦыхъэху» устраивали для прополки кукурузы, картофеля или для окучивания последнего, то люди приходили со инвентарем. Совместно осуществлялся обмолот и просеивание зерна.

Начало и завершение пахоты и сенокосения отмечались как большие всенародные празднества, сопровождавшиеся жертвоприношениями, обильным угощением, скачками, национальной стрельбой, песнями, танцами и играми. «... Община обыкновенно празднует или перед началом работ и известных экономических начинаний, или после окончания их...» [Щербина 2006: 207].

Взаимопомощь была широко распространена при строительстве дома. Турлучный дом строился силами родственников и соседей всего за три дня. Каменные или деревянные дома гораздо дольше с участием специалистов различных направлений. Помощь хозяину оказывалась при заготовке строительного материала (плетня), возведении турлучных стен, их обмазке и покрытии крыши. При строительстве саманных домов – для заготовки самана, обмазке, побелке. К данной форме прибегали в основном малообеспеченные кабардинцы. Возведением стен и устройством крыш кончалась мужская часть работ по дому. Балкарцы приглашали подростков, которые утрамбовывали крышу (они были плоскими и земляными). Остальную работу – обмазку дома и дымохода с обеих сторон, внутренней части крыши, пола выполняли женщины. «Самой тяжелой была первая обмазка, когда глина, смешанная с соломой наносилась большими кусками. Эту работу не могла выполнить одна хозяйка, поэтому на помощь приглашались наиболее сильные и молодые женщины – соседки и родственницы. Среди них существовало строгое разделение труда. Одни тщательно месили и готовили глину для обмазки, другие приносили, третьи, наиболее опытные мазали наружную часть, четвертые – внутреннюю часть крыши, дымохода, дом и т.д. Эти работы занимали один день. На второй день обмазывали пол. Через 3-4 дня мазали второй, третий слой глины. После третьей обмазки качественной глиной стены белились белой глиной» [Мамбетов 1970: 87-88].

Организация работы по обычаю взаимопомощи при строительстве дома отличалась своей торжественностью, праздничностью и всегда собирала много людей. Ведь многие показывали на этих работах свое умение, трудолюбие, силу и даже характер. Завязывались новые знакомства, дружба, любовь. Если дом

был построен для молодых, то на новоселье, родственники и друзья приносили различные подарки.

Обычаи взаимопомощи, связанные с семейным бытом (совместные празднества по случаю рождения ребенка, его завязывания в люльку (гуцэхэпхэ, бешикке солгъан), первого шага (лъэтеувэ), выпадения первого зуба, совершеннолетия, свадебных обрядов, создания своего самостоятельного хозяйства, похоронные обряды и др.), имели широкое распространение у всех народов Северного Кавказа, в том числе у кабардинцев и балкарцев. «Свадебные церемонии носят осложненный и длительный по продолжительности, во времени характер. Традиционные свадебные обряды такие, как обряд бракосочетания молодых, ввод невесты в родительский дом (комнату) и многие другие связаны с немалыми материально-финансовыми расходами. Последние обусловлены приходом для поздравления многих родственников, соседей, друзей, товарищей и знакомых односельчан. Приход их необходим для оказания и помощи, и поддержки в организации и проведении свадьбы по обычаю» [Мафедзев 1979: 122]. Обычай обязательного участия близких родственников в свадебных расходах любой семьи, даже самой обеспеченной, свидетельствует о родовом характере самой свадьбы и самой взаимопомощи. «На самом деле помощь оказывалась не потому, что семья нуждалась, а потому, что родственник не имел права не участвовать в свадьбе родственника, обычай обязывал его внести свою долю в расходы брата, дяди т.д.» [Мамбетов 1974: 118] Часть подарков поступала в личное распоряжение невесты, что укрепляло ее положение в новой семье, делало ее более независимой от других членов семьи. Во многих случаях крестьянская семья своими силами не могла обеспечить свою дочь необходимыми подарками, поэтому взаимопомощь играла существенную роль как для семьи, так и для их дочери.

Бытовало оказание взаимной материальной помощи при выплате «цены крови» для предотвращения кровной мести (особенно среди западных адыгов). Подобная помощь оказывалась в первую очередь родственникам, но бывали случаи, когда участвовали жители всего селения. Данная форма была закреплена обычным правом. Западные адыги были объединены в соприсяжные братства, все члены которого несли ответственность за убийство, оскорбление и бесчестье. Т. Лапинский отмечал, что «за осужденного или обвиненного отвечает все племя, которое в случае нужды поддерживает его. Если он присужден к уплате штрафа и его собственных средств не хватает, то он собирает их сперва у своей фамилии, а если этого не достаточно, у своего племени, переходя из дома в дом. Каждый в таком случае обязан ему помогать» [Лапинский 1995: 120]. Плата за преступление была столь высока, что одно лицо не в состоянии было заплатить, но в случае повтора – род категорически отказывал в помощи.

С приходом ислама наблюдается синкретизм хозяйственных и религиозных обязанностей крестьян. Так, закят – ежегодный налог в пользу бедняков получил наименование саджит (сагид) и стал непременным условием уплаты религиозного долга после сбора урожая. Выплата закята как

обязанность, «столп ислама», пришедшая к кабардинцам и балкарцам с религией, в повседневной практике органично сосуществовала с развитыми, обусловленными адатами, традициями взаимопомощи. Духовенство умело пользовалось своим правом перед общиной и сосредотачивало в своих руках внушительные средства, о размерах которого мы имеем документальные сведения только с начала XX века.

Взаимопомощь дифференцировалась на родственную и соседскую, основанную по территориальному принципу. Обязательной соседская не была и вызывалась объективными причинами сохранения хозяйственного функционирования молодых поселений. Широкое распространение получила односторонняя коллективная помощь, оказываемая обедневшим семьям вдов, инвалидов, сирот, которые не могли самостоятельно справиться с тяжелой работой. Это касалось строительства дома, сбора, перевозки сена, дров с гор и других видов работ. Повседневная сельская жизнь была насыщена примерами взаимных одалживаний у родственников, друзей и соседей. Спектр одалживаемых предметов был довольно широк: от домашней утвари до тягловой силы. Это могли быть кухонные принадлежности, рабочие предметы, элементы одежды, орудия труда, продукты, тягловый скот и т.д. В случае, когда речь шла об односельчанах, впавших во временную нужду, взаимопомощь носила добровольный характер, исходившую из мотивов совести [Гаглойти 1974: 114].

Мужские и женские виды хозяйственной деятельности были детерминированы тяжелыми условиями жизни горского социума. Исключительно женскими видами работ считалось копнение сена и прополочные работы. Женский труд использовался в период уборки урожая, обмолота зерна, его провеивания и т.д. При строительстве нового дома, возведении хозяйственных сооружений, стрижке овец, пахоте трудилась мужская часть населения. Женская работа заключалась в обмазке глиной новых построек, в обработке шерсти, валянии войлока, бурок. Эти действия требовали большого количества людей. Так, например, изготовление бурки считалось традиционно женским занятием. Трудоемкую работу по очистке и валянию шерсти выполняли от 4 до 16 женщин, трудившиеся непрерывно для изготовления одного изделия несколько недель. Более устойчивый характер носили объединения балкарских женщин при изготовлении войлочных ковров, головных уборов и пр.

Основанная на добровольных началах, такая взаимная помощь задействовала всех членов общества. Человек, получивший общественную помощь, обычно устраивал совместное застолье, за которым нередко следовали песни и танцы. Помощь родственнику или соседу давала уверенность в ответной помощи при необходимости. Родовые связи были настолько живучи, что каждый человек считал своим долгом принять моральное, физическое и материальное участие в делах своего родственника или соседа [Мамбетов 1997: 201].

Благодаря институту взаимопомощи и родственной солидарности в традиционной культуре кабардинцев и балкарцев фактически отсутствовали

примеры нищенства и беспризорности. Нетрудоспособный человек в обязательном порядке переходил на иждивение близких родственников, которые получали право распоряжаться имуществом последнего. В тех случаях, когда это было невозможно, сельское общество в лице старшины или доверенного лица передавало полномочия размещения этой категории граждан «соответственно имеющимся плугам» [Кажаров 2014: 259-260]. «Бедный человек никогда не плачет у двери богатого напрасно; сирота обеспечивается самым близким родственником, как его собственный ребенок; если дом человека сгорел, соседи помогли в построении его; если он потеряет свое стадо из-за болезни или свое зерно из-за насекомых-паразитов, каждый оказывает ему помощь, которую обязанная сторона, всегда считает долгом совести вознаградить тем же, когда к ним соблаговолит судьба», писал путешественник Э. Спенсер [Спенсер 1994:117].

После проведения в Кабарде и Балкарии земельной реформы в 60-70-х гг. XIX века и повсеместного распространения малой семьи, обычай взаимопомощи проявил особую жизнестойкость. Организационная структура – кабардинская вотчина, которая обеспечивала синхронизацию сельскохозяйственных работ, оказалась ликвидирована. Хозяйства получили дальнейший импульс самостоятельного развития, однако сохранение многоотраслевого хозяйства – земледелие, скотоводство, домашние промыслы, консервировало многие традиционные черты. В сфере регулирования землепользования и сельскохозяйственных работ, в формах организации животноводческого хозяйства, а также найма хозяйственного персонала проявились многие прежние порядки [Прасолов 2015: 63]. В период образования малых семей институт взаимопомощи оказался наиболее устойчивым средством преодоления их экономической слабости. Путем объединения в производственные коллективы при многих видах хозяйственных действий и больших семейных мероприятиях, малые семьи приобретали возможность получения помощи в одностороннем порядке. Объединение трудовых усилий находило проявление в разнообразных формах взаимопомощи: при выполнении сельскохозяйственных работ, таких как пахота, уборка урожая, молотьба; при постройке и обмазке нового дома; при проведении свадебных мероприятий или обрядов, связанных с рождением ребенка; во время похорон, а также при выполнении общесельских работ (например, при строительстве мостов, создании оросительных систем, прокладке дорог и т.д.). В период развития капиталистических отношений некоторые формы взаимопомощи претерпели трансформацию, некоторые исчезли. Из обязательной они стали носить рекомендательный характер.

Обычай взаимопомощи в новом качестве восстановился в послеоктябрьский период, претерпев большую модернизацию. Он лег в основу создания в национальном регионе принципов государственного социального обеспечения. Система добровольной социальной помощи послужила началом деятельности крестьянских комитетов общественной взаимопомощи. Комитеты, возглавляемые представителями духовенства, получили контроль над закятom (сагитом, саджитом) и впоследствии стали связующим звеном

между сельской общиной и органами власти, способствуя усилению влияния советов в крестьянской среде.

Советская администрация пыталась в создавшихся условиях возродить не только супряжные формы взаимопомощи, но и развить благотворительность, т.е. безвозмездную помощь неимущим в земледелии и скотоводстве, которую, по предположению советских лидеров, следовало развить по нескольким направлениям: во-первых, это организация общественных запасок инвалидам, вдовам, сиротам и малоимущим крестьянам; во-вторых, оказание срочной помощи пострадавшим от стихийных бедствий; в-третьих, создание общественного фонда и организация общественных запасок и, наконец, организация трудовой помощи беднякам путем субботников и воскресников во время посева, уборки урожая, при строительстве чего-либо [Бабич 1995: 98].

В распространенных инструкциях и указаниях по созданию ККОВов в доступной для местного населения форме обосновывалось назначение этих органов для помощи крестьянским хозяйствам. Главные направления деятельности крестьянских обществ взаимопомощи были определены в Декрете от 14 мая 1921 года «Об улучшении постановки дела социального обеспечения рабочих, крестьян, семей красноармейцев». Крестьянские комитеты избирались на сельских сходах большинством голосов. Крестьянам предоставлялась инициатива в поиске форм и методов работы, а государство гарантировало организационную и правовую поддержку [ГАРО. Ф. 2243. Оп. 1. Д. 7. Л. 55]. Круг деятельности крестьянских обществ взаимопомощи включал организацию своевременной поддержки малообеспеченным крестьянским хозяйствам в случаях пожара, неурожая, стихийных бедствиях путем справедливого распределения государственных средств и собственных фондов. На такую поддержку могли рассчитывать, прежде всего, семьи погибших красноармейцев и бедняков. Все крестьяне могли надеяться на защиту и разъяснение своих хозяйственно-экономических и правовых интересов в различных государственных органах.

Первые крестьянские комитеты общественной взаимопомощи в Кабардино-Балкарии стали создаваться областным отделом социального обеспечения в конце 1922 года. А. Абуков был назначен председателем Областного ККОВ. Еще 51 мулла выступили в качестве председателей комитетов взаимопомощи [ЦДНИ КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 16. Л. 50.] Выбор представителей духовенства во главе советских органов не случаен – за счет их авторитета среди простых крестьян, власть намеревалась привлечь как можно большее количество членов. На первых же перевыборах муллы были смещены.

Для реализации в жизнь Декрета Народным комиссариатом социального обеспечения 27 мая 1921 года была утверждена «Инструкция Крестьянским комитетам общественной взаимопомощи», которая была переведена на арабский язык и направлена во все селения Области. [ЦГА КБР. Ф. Р-106. О. 1. Д. 26. Л. 1] В ней были определены цели, задачи, права и обязанности комитетов, а также прядок их организации. «Инструкция...» обозначила, что на помощь могут рассчитывать не только малоимущие крестьяне, но и средние и зажиточные, испытывающие недостаток в рабочей силе и инвентаре в период

стихийных бедствий. [ЦГА КБР. Ф. Р-106. О. 1. Д. 26. Л. 1] Точных предписаний форм и видов деятельности ККОВ она не приводила, делая ставку местные особенности и на инициативу самих крестьян.

Первые комитеты взаимопомощи были организованы в селениях Урванского, Нальчикского и Баксанского округов. Фонды формировались за счет «закята», небольшого процента от продовольственного налога, конфискованного имущества, добровольных отчислений и прочих поступлений. В селениях, где преобладало русскоязычное население было использовано традиционное самообложение в размере 2,5 рублей.

Комитетам вменялось в обязанность организовывать помимо единовременной помощи и регулярную помощь определенной категории – вдовам, сиротам, инвалидам и семьям погибших красноармейцев. За 1924 г. зарегистрировано находящихся на иждивении комитетов: инвалидов – 615, вдов красноармейцев – 2 035, сирот – 3 968. [ЦГА КБР. Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 20. Л. 74 об.] Семей пенсионеров по Области насчитывалось 144, из них 103 – городского населения и 41 – сельского, со средней нормой выплаты – 9 р. 66 коп.

Отношение крестьян к институционализации традиции взаимопомощи было неоднозначным. Крестьяне были убеждены, что нет необходимости в стороннем надзоре за взаимопомощью, т.к. она является обыденной и добровольной. Первые неудачи были связаны с отказом населения вносить «закят», «деур-искат», «биттир», «калым» в фонды комитетов. Несмотря на это, государство настойчиво продолжало политику подчинения организаций взаимопомощи в деревне.

В начале 1925 г. в Кабардино-Балкарской Области был образован 81 крестьянский комитет общественной взаимопомощи: в Нальчикском округе – 10, в Урванском округе – 13, в Прималкинском округе – 10, в Мало-Кабардинском округе – 13, в Нагорном округе – 9, в Баксанском округе – 12, в Балкарском округе – 14 [ЦГА КБР. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 260. Т. II. Л. 353]. Количество населения, охваченного работой КОВ, составило в 1926 году 145 091 человек, состав партийных работников в обществах взаимопомощи варьировался от 40 до 60 %. [ЦГА КБР. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 358. Т. III. Л. 475.] Областной ККОВ возглавил З.К. Бозиев, который провел значительную работу по их укреплению.

Работа была сопряжена с большими трудностями, связанными с нехваткой образованных кадров, с недостатком финансирования на оплату труда работников, с ограниченным фондом натуральных и денежных средств. В селениях членами правления ККОВ были составлены списки нуждающихся и распределены имеющиеся средства. Инициатива крестьян чаще проявлялась в оказании привычной трудовой помощи, которая получила окрас безвозмездности и коллективизма.

Следующий этап с 1925-1927 гг. связан с реорганизацией ККОВ в Крестьянские Общества Взаимопомощи (КОВ). 25 сентября 1924 г. было издано новое «Положение о КОВ», в котором были определены основные принципы деятельности организаций, законодательно закреплено коллективное

членство [ЦГА КБР. Ф. Р-232. Оп. 1. Д. 3. Л. 28]. Добровольное самообложение было заменено обязательными членскими взносами, а «закят» стал поступать в денежном эквиваленте, выплата взносов стала обязанностью всех членов КОВ. Крестьянские общества получили право создания различных внутренних организаций, включавших членов КОВ, которые оказывали правовую (юридическую) помощь различного рода путем выдачи справок, оказания консультаций по судебным разбирательствам и т.д. Комитеты организовывали общественную запашку, создавали производственные предприятия, организовывали трудовые артели, участвовали в культурно-просветительной работе. При их участии проводились многие мероприятия в области образования и здравоохранения, создавались первые дошкольные учреждения и т.д.

Во второй половине 20-х гг. XX в. крестьянские комитеты получили большую популярность. Крестьяне охотно вступали в их ряды, особенно бедняки и середняки, использовали свои привилегии – брали деньги и орудия займа. В связи с развитием производительной деятельности некоторые комитеты особенно продвинулись в своем развитии и стали самостоятельными в экономическом отношении организациями. Ими были накоплены денежные и зерновые фонды, что способствовало усилению их авторитета среди крестьян.

В КБАО общества взаимопомощи объединили до 50 % крестьян. В кабардинских селениях широкое распространение получила общественная запашка и трудовая помощь, в балкарских же, в связи с отсутствием пахотных земель, больший упор был сделан на организацию крепких скотоводческих хозяйств. Социальный состав включал в большинстве случаев бедняков и середняков. Значительное внимание комитетами было уделено вовлечению женщин-горянок в общественную работу. Они проводили активную агитационную кампанию по ликвидации неграмотности среди женского населения, организовывая специализированные женские ликпункты. Большое внимание уделено созданию производственных объединений для женщин. Многие комитеты имели в своем правлении женщин, отдельные из них возглавляли эти организации. Для облегчения жизни крестьян, комитеты участвовали в работе кооперативов и вносили за бедняков членские взносы из своих фондов.

КБАО оставалась земледельческим районом, поэтому производственная деятельность не приобрела выдающихся масштабов. Но, тем не менее, предприятия КОВ приносили значительное облегчение простым жителям села. Основной причиной низкой доходности становились высокие арендные показатели, которые были не под силу скудным фондам комитетов. Также предприятия переходили им в плачевном состоянии и требовали больших вложений для восстановления. Развитие системы государственного кредитования комитетов позволило комитетам приобретать машины и создавать прокатные пункты. Благодаря этому многие КОВы получали возможность купить трактор, позволявший проводить общественную запашку, получая дополнительную прибыль. Комитеты взаимопомощи обрабатывали земли местных школ, оказывали помощь местным больницам. Благодаря

комитетам взаимопомощи могли осуществлять деятельность пункты ликвидации неграмотности, поддерживали свою работу избы-читальни. Из своих фондов члены комитета одевали и обували в школу детей бедняков, обеспечивали их учебным материалом.

В ноябре 1929 года пленум ЦК ВКП (б) объявил о начале сплошной коллективизации. Основные задачи КОВ отныне заключались в оказании помощи крестьянам в вопросах организации и укрепления колхозов. В селениях КБАО Крестьянские общества взаимопомощи частично функционировали до официального оформления колхозов, постепенно передавая им имущество. 13 марта 1931 г. ВЦИК и СНК РСФСР ратифицировали «Положение о кассах общественной взаимопомощи колхозников и колхозниц» [Алексанов 1974: 103] сосредоточивших в своих руках прежние функции КОВ. Ликвидация крестьянских обществ взаимопомощи произошла после принятия 1 февраля 1932 г. президиумом ЦИК СССР постановления «О кассах общественной взаимопомощи колхозов» [ГАРО. Ф. Р-3528. Оп. 1. Д. 3. Л. 14].

Так, за период своей активной деятельности комитеты взаимопомощи претерпели значительные трансформации, но неизменным осталось их главное назначение – оказание поддержки малообеспеченным слоям населения. Позже, по мере развития государства, они были включены в состав коллективных хозяйств. Не согласны с мнением И.Л. Бабич, что «нет оснований считать деятельность советской администрации по возрождению форм традиционной взаимопомощи успешной». [Бабич 1995: 100] Советское государство, создавая крестьянские общества взаимопомощи, поставило задачу налаживания экономики и мирной жизни в деревне за счет крестьянской инициативы. Всеобщая разруха и голод во многом были преодолены силами самих крестьян, т.к. государство не могло обеспечить одновременно такое количество нуждавшихся. Несмотря на недочеты, крестьянские общества взаимопомощи стали опорой для многих горских семей и способствовали безболезненному включению населения в новую социалистическую реальность.

Таким образом, пребывая в тесной взаимосвязи с народным менталитетом и культурными традициями, взаимная помощь служила внутренним охраняемым механизмом социально-экономического взаимодействия горского крестьянства и нравственным ориентиром для подрастающего поколения. Различные виды и формы хозяйственно-бытовой помощи подстраивались под социально-общественные нужды в зависимости от исторических условий. До появления общественных институтов носителем этногенетического кодекса нравственной культуры кабардинцев и балкарцев были нормы обычного права, которые содержали в качестве этических обязательств эмпатические правила поведения. Примеры взаимной поддержки и выручки сохранялись в памяти народа в устном народном творчестве, в нартском эпосе, в сказках и сказаниях, пословицах, поговорках. Кабардинцы и балкарцы жили небольшими корпорациями родственников и семейно-родовых групп, которые функционировали как целостная система и определяли специфику общественного и семейного быта. Коллективная деятельность носила добровольный, необременительный характер. В период образования малых

семей институт взаимопомощи оказался наиболее устойчивым средством преодоления их экономической слабости. Объединение трудовых усилий находило проявление в разнообразных формах взаимопомощи: при выполнении сельскохозяйственных работ, при постройке и обмазке нового дома, проведении свадебных мероприятий или обрядов, связанных с рождением ребенка, во время похорон. Взаимопомощь проявила жизнестойкость и в период советских преобразований. Она стала основой государственного социального обеспечения и была успешно приспособлена к новым историческим условиям.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Алексанов 1994 – *Алексанов П.А.* Крестьянские комитеты общественной взаимопомощи (1921–1925 гг.) // Отечественная история. – 1964. – № 3. – С. 91-103.

Бабич 1995 – *Бабич И.Л.* Народные традиции в общественном быту кабардинцев. – М.: Типография Российской библиотеки, 1995. – 129 с.

Бгажноков 2003 – *Бгажноков Б.Х.* Основание гуманистической этнологии. – М: РУДН, 2003. – 272 с.

Бгажноков 2010 – *Бгажноков Б.Х.* Социальная организация семьи. – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2010. – 128 с.

Гаглойти 1974 – *Гаглойти З.Д.* Очерки по этнографии Осетии. – Тбилиси: Мецниереба, 1974. – 160 с.

ГАРО – *Государственный архив Ростовской области.*

Думанов 1976 – *Думанов Х.М.* Обычное имущественное право кабардинцев (вторая половина XIX – начало XX в.). – Нальчик: Эльбрус, 1976. – 140 с.

Дюркгейм 1996 – *Дюркгейм Э.О.* О разделении общественного труда. Метод социологии. – М.: Канон. 1996. – 432 с.

Кажаров 2014 – *Кажаров В.Х.* Избранные труды по истории и этнографии адыгов. – Нальчик: Печатный двор, 2014. – 904 с.

Лапинский 1995 – *Лапинский Т.* Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. – Нальчик: Эль-Фа, 1995. – 456 с.

Магомедов 2000 – *Магомедов А.Х.* Культура и быт осетинского народа. – Орджоникидзе: Ир, 1968. – 568 с.

Малиновский 2000 – *Малиновский Б.К.* Научная теория культуры. – М.: ОГИ, 2000. – 208 с.

Малкандуев 2004 – *Малкандуев А.М.* Нравственные аспекты и системный характер традиций этнической культуры. – Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2004. – 164 с.

Мамбетов 1970 – *Мамбетов Г.Х.* Некоторые традиции и обычаи кабардинцев и балкарцев, связанные с жилищем // Вестник КБНИИ. – 1970. – Вып. 4. – С. 82-100.

Мамбетов 1974 – *Мамбетов Г.Х.* О производственных объединениях по совместному содержанию скота у кабардинцев и балкарцев во второй половине XIX – начале XX века // Археолого-этнографический сборник. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – Вып. 1. – С. 128-147.

Мамбетов 1974 – *Мамбетов Г.Х.* Пережиточные формы института взаимопомощи, связанные с семейным бытом кабардинцев и балкарцев в XIX – начале XX в. // Ученые записки КБНИИ. – 1974. – Т. 26. – С. 115-131.

Мамбетов 1997 – *Мамбетов Г.Х.* Традиционная культура кабардинцев и балкарцев. – Нальчик: Эльбрус, 1997. – 276 с.

Мафедзев 1979 – *Мафедзев С.Х.* Обряды и обрядовые игры адыгов. – Нальчик: Эльбрус, 1979. – 204 с.

Месяц 2009 – *Месяц С.И.* Пастбищное хозяйство Кабарды. Зольские и горные пастбища. – Нальчик: КБГСХА, 2009. – 53 с.

- Муратова 2012 – *Муратова Е.Г.* Балкарские общества на пути от традиций к современности (XVII – начало XX в.). – Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2012. – 157 с.
- Мусукаев, Першиц 1992 – *Мусукаев А.И., Першиц А.И.* Народные традиции кабардинцев и балкарцев. – Нальчик: Полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., 1992. – 238 с.
- Налоев 2009 – *Налов З.М.* Этюды по истории культуры адыгов. – Нальчик: Эльбрус, 2009. – 656 с.
- Нартхэр... 1995 – *Нартхэр.* Къэбэрдей эпос (Нарты. Кабардинский эпос). – Нальчик: Эль-Фа, 1995. – 559 с.
- Нарты... 2017 – *Нарты* (Адыгский эпос): в 7 т. Т. 1 / Под ред. Б.М. Берсирова. – Майкоп: Полиграф-ЮГ, 2017. – 296 с.
- Невская, Кондрашева 2015 – *Невская Т.А., Кондрашева А.С.* Северный Кавказ. Традиционное общество и реформы (конец XVIII – начало XX в.). – Ставрополь: Северо-Кавказский федеральный университет, 2015. – 368 с. – Текст: электронный // Электронно-библиотечная система IPR BOOKS: [сайт]. URL: <http://www.iprbookshop.ru/62864.html> (дата обращения: 04.09.2019)
- Пословицы... 1990 – *Пословицы* и поговорки народов Карачаево-Черкесии / Сост. Р.А.-К. Ортабаева, М.И. Мижаев и др. – Черкесск: Ставропольское книжное изд-во, Карачаево-Черкесское отделение, 1990. – 368 с.
- Прасолов 2001 – *Прасолов Д.Н.* Кабардинская сельская община во второй половине XIX – начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук. – Нальчик, 2001. – 222 с.
- Прасолов 2015 – *Прасолов Д.Н.* Кабардинское общество во второй половине XIX – начале XX в. // Вопросы истории. – 2015. – № 12. – С. 56-66.
- Сказания... 1987 – *Сказания* и сказки адыгов / Сост. Ш.Х. Хут. – М.: Современник, 1987. – 320 с.
- Спенсер 1994 – *Спенсер Э.* Путешествия в Черкесию. – Майкоп: РИПО «Адыгея» 1994. – 153 с.
- Хасбулатова 2017 – *Хасбулатова З.И.* «Белхи» как традиционная форма взаимопомощи, связанная с хозяйственным и семейным бытом чеченцев в XIX-XX вв. // Общество: философия, история, культура. 2017. №8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/belhi-kak-traditsionnaya-forma-vzaimopomoschi-svyazannaya-s-hozyaystvennym-i-semeynym-bytom-chechentsev-v-xix-hh-vv> (дата обращения: 03.08.2018)
- ЦГА КБР – *Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской Республики.*
ЦДНИ КБР – *Центр документации новейшей истории Кабардино-Балкарской Республики.*
- Чурсин 2014 – *Чурсин Г.Ф.* Очерки по этнологии Кавказа. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. – 206 с.
- Щербина 2006 – *Щербина Ф.А.* Общинный быт и землевладение у кавказских горцев // Аграрные отношения у народов Северного Кавказа в российской политике XVIII – начала XX века. Архивные материалы и научные исследования: в 2-х томах. Том I. – Нальчик: Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., Эль-Фа, 2006. – С. 180-230.
- Эльмурзаева 2009 – *Эльмурзаева А.Дж.* Обычай взаимопомощи в хозяйственной деятельности народов Дагестана. XIX – начало XX века. Автореферат дис. ... канд. ист. наук. – Махачкала, 2009. – 175 с.

REFERENCES

- ALEKSANOV P.A. *Krest'yanskie komitety obshchestvennoi vzaimopomoshchi (1921-1925 gg.)* [Peasant Committees of Public Mutual Assistance (1921–1925)]. IN: *Otechestvennaya istoriya.* – 1964. – No 3. – P. 91-103. (In Russian)
- BABICH I.L. *Narodnye traditsii v obshchestvennom bytu kabardintsev* [Folk Traditions in the Public Life of Kabardians]. – М.: Tipografiya Rossiiskoi biblioteki, 1995. – 129 p. (In Russian)

- BGAZHNOKOV B.Kh. *Osnovanie gumanisticheskoi etnologii* [The Foundation of Humanistic Ethnology]. – M.: RUDN, 2003. – 272 p. (In Russian)
- BGAZHNOKOV B.Kh. *Sotsial'naya organizatsiya sem'i* [Social Organization of the Family]. – Nalchik: Izdatel'skii otdel KBIGI, 2010. – 128 p. (In Russian)
- CHURSIN G.F. *Ocherki po etnologii Kavkaza* [Essays on the Ethnology of the Caucasus]. – M.: Knizhnyi dom «LIBROKOM», 2014. – 206 p. (In Russian)
- DUMANOV Kh.M. *Obychnoe imushchestvennoe pravo kabardintsev (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [Customary Property Law of Kabardians (Second Half of the XIX – Beginning of the XX Centuries)]. – Nalchik: El'brus, 1976. – 140 p. (In Russian)
- DYURKGEIM E.O. *O razdelenii obshchestvennogo truda. Metod sotsiologii* [On the Division of Social Labor. The Method of Sociology]. – M.: Kanon. 1996. – 432 p. (In Russian)
- EL'MURZAEVA A. Dzh. *Obychai vzaimopomoshchi v khozyaistvennoi deyatel'nosti narodov Dagestana. XIX – nachalo XX veka. Avtoreferat dis. ... kand. ist. nauk* [The Custom of Mutual Assistance in the Economic Activities of the Peoples of Dagestan. XIX – beginning of XX Century. Abstract of the thesis for a Candidate of historical sciences degree]. – Makhachkala, 2009. – 175 p. (In Russian)
- GAGLOITI Z.D. *Ocherki po etnografii Osetii* [Essays on the Ethnography of Ossetia]. – Tbilisi: Metsniereba, 1974. – 160 p. (In Russian)
- GARO – Gosudarstvennyi arkhiv Rostovskoi oblasti [State Archive of the Rostov Region]
- KAZHAROV V.Kh. *Izbrannye trudy po istorii i etnografii adygov* [Selected Works on the History and Ethnography of the Circassians]. – Nalchik: Pechatnyi dvor, 2014. – 904 p. (In Russian)
- KHASBULATOVA Z.I. «Belkhi» kak traditsionnaya forma vzaimopomoshchi, svyazannaya s khozyaistvennym i semeinym bytom chechentsev v XIX–XX vv. [«Belkhi» as a Traditional Form of Mutual Assistance Related to the Economic and Family Life of Chechens in the XIX–XX Centuries]. IN: Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura. – 2017. – No 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/belhi-kak-traditsionnaya-forma-vzaimopomoshchi-svyazannaya-s-hozyaystvennym-i-semeinym-bytom-chechentsev-v-xix-hh-vv> (data of access: 03.08.2018) (In Russian)
- LAPINSKII T. *Gortsy Kavkaza i ikh osvoboditel'naya bor'ba protiv russkikh* [Highlanders of the Caucasus and Their Liberation Struggle Against the Russians]. – Nalchik: El'-Fa, 1995. – 456 p.
- MAFEDZEV S.Kh. *Obryady i obryadovye igry adygov* [Rites and Ritual Games of Circassians]. – Nalchik: El'brus, 1979. – 204 p. (In Russian)
- MAGOMETOV A.X. *Kul'tura i byt osetinskogo naroda* [Culture and Life of the Ossetian People]. – Ordzhonikidze: Ir, 1968. – 568 p. (In Russian)
- MALINOVSKII B.K. *Nauchnaya teoriya kul'tury* [Scientific Theory of Culture]. – M.: OGI, 2000. – 208 p. (In Russian)
- MALKANDUEV A.M. *Nravstvennye aspekty i sistemnyi kharakter traditsii etnicheskoi kul'tury* [Moral Aspects and Systemic Nature of Ethnic Culture Traditions]. – Nalchik: Poligrafservis i T, 2004. – 164 p. (In Russian)
- MAMBETOV G.Kh. *Nekotorye traditsii i obychai kabardintsev i balkartsev, svyazannye s zhilishchem* [Some Traditions and Customs of Kabardians and Balkars Associated with Housing]. IN: Vestnik KBNII. – Nalchik: El'brus, – 1970. – Iss. 4. – P. 82–100. (In Russian)
- MAMBETOV G.Kh. *O proizvodstvennykh ob"edineniyakh po sovместному soderzhaniyu skota u kabardintsev i balkartsev vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka* [On Production Associations for the Joint Livestock of Kabardinians and Balkars in the Second Half of the XIX – Early XX Centuries]. IN: *Arkheologo-etnograficheskii sbornik* [Archaeological and Ethnographic Collection]. – Nalchik: El'brus, 1974. – Iss. 1. – P. 128–147. (In Russian)
- MAMBETOV G.Kh. *Perezhitochnye formy instituta vzaimopomoshchi, svyazannye s semeinym bytom kabardintsev i balkartsev v XIX – nachale XX v.* [The Surviving Forms of the Institution of Mutual Assistance Associated with the Family Life of Kabardians and Balkars in the

XIX – Early XX Centuries]. IN: Uchenye zapiski KBNII. – 1974. – Т. 26. – P. 115-131. (In Russian)

MAMBETOV G.Kh. *Traditsionnaya kul'tura kabardintsev i balkartsev* [The Traditional Culture of Kabardians and Balkars]. – Nalchik: El'brus, 1997. – 276 p. (In Russian)

MESYATS S.I. *Pastbishchnoe khozyaistvo Kabardy. Zol'skie i gornye pastbishcha* [Pasture of Kabarda. Zolsky and Mountain Pastures]. – Nalchik: KBGSKhA, 2009. – 53 p. (In Russian)

MURATOVA E.G. *Balkarskie obshchestva na puti ot traditsii k sovremennosti (XVII – nachalo XX v.)* [Balkar Societies on the Way from Tradition to Modernity (XVII – Beginning of XX Century)]. – Nalchik: Kab.-Balk. un-t, 2012. – 157 p. (In Russian)

MUSUKAEV A.I., PERSHITS A.I. *Narodnye traditsii kabardintsev i balkartsev* [Folk Traditions of Kabardians and Balkars]. – Nalchik: Poligrafkombinat im. Revolyutsii 1905 g., 1992. – 238 p. (In Russian)

NALOV Z.M. *Etyudy po istorii kul'tury adygov* [Sketches on the History of the Culture of the Circassians]. – Nalchik: El'brus, 2009. – 656 p. (In Russian)

Nartkher. K'eberdei epos (Narty. Kabardinskii epos) [Narts. Kabardian Epic]. – Nalchik: El'-Fa, 1995 – 559 p. (In Kabardian)

Narty (Adygskii epos): v 7 t. T. 1 / Pod red. B.M. Bersirova [Narts. Adyghe Epic: in 7 vols. Vol. 1. Ed. by B.M. Bersirov]. – Maikop: Poligraf-YuG, 2017. – 296 p. (In Circassian)

NEVSKAYA T.A., KONDRASHEVA A.S. *Severnyi Kavkaz. Traditsionnoe obshchestvo i reformy (konets XVIII – nachalo XX vv.)* [North Caucasus. Traditional Society and Reforms (late XVIII – Early XX Centuries)]. – Stavropol': Severo-Kavkazskii federal'nyi universitet, 2015. – 368 p. IN: Electronic Library System IPR BOOKS: [site]. URL: <http://www.iprbookshop.ru/62864.html> (data of access: 04.09.2019) (In Russian)

Poslovitsy i pogovorki narodov Karachaevo-Cherkessii / Sost. R.A.-K. Ortabaeva, M.I. Mizhaev i dr. [Proverbs and Sayings of the Peoples of Karachay-Cherkessia. Comp. R.A.-K. Ortabaeva, M.I. Mizhaev et al.]. – Cherkessk: Stavropol'skoe knizhnoe izd-vo, Karachaevo-Cherkesskoe otdelenie, 1990. – 368 p. (In Russian)

PRASOLOV D.N. *Kabardinskaya sel'skaya obshchina vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v.: diss. ... kand. ist. nauk* [Kabardian Rural Community in the Second Half of the XIX – Beginning of XX Centuries. The dissertation for the Candidate of historical sciences degree]. – Nalchik, 2001. – 222 p. (In Russian)

PRASOLOV D.N. *Kabardinskoe obshchestvo vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v.* [Kabardian Society in the Second Half of the XIX – Beginning of XX Centuries]. IN: *Voprosy istorii*. – 2015. – No 12. – P. 56-66. (In Russian)

SHCHERBINA F.A. *Obshchinnyy byt i zemlevladienie u kavkazskikh gortsev* [Community Life and Land Tenure among Caucasian Highlanders]. IN: *Agrarnye otnosheniya u narodov Severnogo Kavkaza v rossiyskoy politike XVIII – nachala XX veka. Arkhivnye materialy i nauchnye issledovaniya: v 2 t. T. 1 / Sost. P.A. Kuz'minov* [Agrarian Relations among the Peoples of the North Caucasus in Russian Politics of the XVIII – Early XX Centuries. Archival materials and research: in 2 vols. Vol. 1. Comp. P.A. Kuz'minov]. – Nalchik: Respublikanskiy poligrafkombinat im. Revolyutsii 1905 g., El'-Fa, 2006. – P. 180-230. (In Russian)

Skazaniya i skazki adygov / Sost. Sh.Kh. Khut [Legends and Tales of Circassians. Comp. Sh.Kh. Khut]. – M.: Sovremennik, 1987. – 320 p. (In Russian)

SPENSER E. *Puteshestviya v Cherkessiyu* [Travels to Circassia]. – Maikop: RIPO «Adygeya», 1994. – 153 p. (In Russian)

TsDNI KBR – Tsentral'naya tsentr dokumentatsii noveishei istorii Kabardino-Balkarskoi Respubliki [Center for Documentation of Recent History of the Kabardino-Balkarian Republic]

TsGA KBR – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Kabardino-Balkarskoi Respubliki [Central State Archive of the Kabardino-Balkarian Republic]